

Расширение хлопкового клина и вытеснение рисовых посевов из хлопковых районов Средней Азии¹

I

Основной целью сооружения Туркестано-Сибирской железной дороги является усиление темпа развития хлопководства в основных хлопковых районах Средней Азии и Казакстана. Последнее мыслится направить, прежде всего, за счет завоза хлеба из Сибири и северных районов Казакстана в таком количестве, такого качества и по такой цене, которые делали бы нерентабельным для крестьянина хлопковых районов засев продовольственными культурами тех земель, которые можно использовать под хлопчатник. Иначе говоря, сибирский хлеб должен стать стимулом увеличения хлопкового клина в общей посевной площади хлопковых районов Средней Азии и Казакстана.

Расширение хлопкового клина на уже орошенных и освоенных землях в хлопковых районах Средней Азии и Казакстана в ближайшее десятилетие будет, несомненно, наиболее серьезной мерой расширения нашей хлопковой сырьевой базы. Другие пути увеличения хлопковой продукции — повышение урожайности и прирост хлопковых земель за счет капитального ирригационного строительства, при всей их важности и значении, в ближайшее время не смогут обеспечить необходимого темпа развертывания хлопководства, ибо для этого потребовалось бы развернуть работы по орошению новых земель под хлопок и поднятию урожайности в таком масштабе, который для нашей страны является пока не под силу.

Для иллюстрации масштаба работы и потребных средств приведем несколько расчетов.

По контрольным цифрам пятилетнего плана развития промышленности СССР (под ред. тов. Межлаука) в 1931/32 г. при посевной площади в 1.161.370 га (превышающей довоенную площадь на 66,9%) импорт хлопка намечается в 237,5 тыс. тонн хлопкового волокна. Для покрытия этого дефицита путем орошения новых земель при урожае, определяемом к 1931/32 г. в 3,54 центн. хлопкового волокна (11,0 центн.) на га² потребовалось бы оросить земельную площадь в 673,2 тыс. га. Если же принять во внимание, что вновь орошаемая площадь не может быть занята на все 100% только под посевы хлопчатника, а последний в порядке севооборота должен занимать лишь до 50% посевной площади, то указанное количество орошенной земли необходимо удвоить, т.е. довести до 1.346,4 тыс. га.

¹ В порядке обсуждения. Ред.

² В контрольных цифрах эта урожайность указана на десятину, т.е. нами берется урожайность выше исчисленной в контрольных цифрах.

Орошение и освоение 1 га земли (как показывают производимые в настоящее время работы по орошению крупного хлопкового семенного хозяйства Главхлопкома — пахта-арала) обойдется не менее 400 руб. на гектар — нетто. При указанной сумме затрат потребовалось бы вложить на орошение 1.346,4 тыс. га 538,7 млн. руб. Таких средств в ближайшее время правительство СССР из своего бюджета выделить не сможет.

Что же касается мероприятий по поднятию урожайности, то здесь тоже имеются ограничения, из которых главные — недостаток потребных удобрительных туков и медленность темпа их сплошного внедрения на полях хлопководов. Если поставить себе задачей из указанного дефицита хлопкового волокна в 237,5 тыс. тонн только 25% покрыть за счет поднятия урожайности, то потребовалось бы для этого увеличить урожайность на всей площади посева хлопчатника 1931/32 г. (1.161.370 га) до 1,7 центн. сырца в среднем на каждый га. Принимая во внимание, что для получения каждой тонны прироста урожая сырца необходимо внести до 3 тонн комбинированного удобрения (пахта-нури) для обеспечения этого прироста сырца из расчета на 1.161.370 га потребуется удобрений около 499.605 тонн.

К 1931/32 г. по контрольным цифрам намечено довести общее количество удобрений под хлопчатник 75.390 тонн. Следовательно, для того чтобы обеспечить только $\frac{1}{4}$ часть указанного дефицита в хлопке за счет увеличения применения удобрений, нужно снабжение последним увеличить почти в девять раз по сравнению с тем количеством, которое намечается к концу пятилетия по контрольным цифрам.

Даже при условии возможности вложения соответствующих средств в данное дело, эти мероприятия во времени едва ли могут быть осуществлены в ближайшее десятилетие. Тем более, что проблема увеличения применения удобрений под хлопчатник не может разрешаться независимо от целого ряда других отраслей земледелия, где удовлетворение растущего спроса на удобрения также является первоочередным, неотложным делом.

В пятилетних планах развития народного хозяйства, рассмотрение которых назначено в ближайшее время, указанные контрольные цифры, несомненно, будут изменены в сторону их увеличения. Но все же надеяться на то, что это коренным образом изменит указанное выше положение в темпе развития ирригационных сооружений и обеспечения удобрений, — едва ли возможно.

Из вышесказанного вытекает совершенно конкретный и ясный вывод: на ряду с максимальными заботами и усилиями по орошению новых площадей в хлопковых районах и поднятию урожайности хлопчатника на существующей площади посева за счет расширения применения удобрений, — должно быть уделено не меньшее внимание третьему фактору увеличения производства хлопка — расширению хлопкового клина, т.е. увеличению процента хлопковой площади в общей существующей посевной площади хлопковых районов.

Расширение хлопкового клина не просто „желательная мера“, она абсолютно необходимая.

Что же может дать расширение хлопкового клина?

В настоящее время культура хлопчатника в Средней Азии занимает около 23% ко всем посевам на поливных землях в хлопковой зоне. К 1931/32 г. по предварительному, перспективному плану, разработанному

Главхлопкомом (журн. „Хлопковое Дело“, № 9 — 10, 1927 г.), указываемый процент поднимается до 28,5. Из общей посевной площади в Средней Азии и Казакстане в 3.259,5 тыс. га под хлопчатник отводится 942,2. Если же взять курс на увеличение хлопкового клина с 28,5% до 50% (а такой процент, как показывает практика, в наиболее интенсивных хлопковых районах вполне возможен и совместим с доходным и рациональным ведением хозяйства), то площадь под хлопчатником может возрасти с 942,2 до 1.649,8 тыс. га, т.е. на 707,6 тыс. га. Эта „добавочная“ площадь при урожае, намечаемом по указанному плану Главного хлопкового комитета к 1931/32 г. в 10,7 центн. сырца, может дать хлопкового волокна при выходе в 32% — 232,6 тысяч тонн, т.е. почти столько сколько, нужно для покрытия дефицита, указанного в контрольных цифрах для 1931/32 г.

Практически разрешение задачи увеличения хлопкового клина, несомненно, возможно осуществить с значительно меньшими средствами и в более короткий срок, чем это же самое сделать путем орошения новых площадей и поднятием урожайности. В первом случае имеется самое главное — земля, вода и хлопководы, нужно лишь взамен вытесняемых культур дать продукцию последних из других районов — нехлопковых. Во втором случае нужны земля, вода, хлопководы и большое количество новых заводов по выработке удобрений и значительно больше времени. Однако, из сказанного никак нельзя делать вывод, что на ближайшие годы нужно сосредоточить усилия только на увеличение хлопкового клина, а орошение новых земель и поднятие урожайности „пока можно отложить“. Такие течения и рассуждения имеются, подобно тому как существует другое течение (пожалуй, господствующее), что „только орошение“ или „только поднятие урожайности“ обеспечивает необходимое производство хлопкового сырья. Мы считаем, что только одновременная работа по всем трем направлениям (орошение новых земель, поднятие урожайности и увеличение хлопкового клина) могут надежно обеспечить хлопковую базу в СССР. Удельный вес каждого из указанных факторов развития хлопководства в разное время разный. На ближайшие годы должно быть выдвинуто на первое место увеличение хлопкового клина, а повышение удобрений и ирригационные работы должны рассматриваться, как сопутствующие мероприятия. По мере реализации процента расширения хлопкового клина, развертывания нашей химической промышленности и расширения приходной части бюджета СССР мероприятия второго порядка будут занимать все большее и большее место, а определение процента хлопчатника в полевом севообороте все больше и больше будет уступать место не в зависимости от удовлетворения минимальной потребности в промышленности в хлопковом волокне, а в зависимости от агропроизводственных условий, определяющих рациональную организацию полевого хозяйства для каждого отдельного района. С этой точки зрения расширение хлопкового клина нужно расценивать как ударную задачу огромного значения, но временного характера, связанную с ликвидацией дефицита в хлопковом сырье. Что же касается количественного и качественного поднятия урожайности и орошения новых земельных площадей, годных под культуру хлопчатника, то эта задача если не „вечная“, то во всяком случае весьма длительного характера, связанная с планомерным устойчивым развитием хлопкопроизводства в СССР в направлении 100% обеспечения хлопком внутренней потребности и максимального использования его для экспорта.

II

В данной статье мы не будем останавливаться в целом на вопросе о мероприятиях, связанных с расширением хлопкового клина. Скажем только, что проведение Туркестано-Сибирской железной дороги даст возможность ставить и разрешать этот вопрос во всем его объеме. Сибирский и казахстанский хлеб поможет хлопку оттеснить продовольственные культуры до границ, нам желательных. Но среди продовольственных культур, подлежащих вытеснению из хлопковых районов, имеется одна культура, с которой и сибирский хлеб не поможет нам справиться. Это — рис. Последний является массовым незаменимым продуктом питания в основных хлопковых районах Средней Азии и Казахстана. Особенно широко рис применяется для приготовления любимых национальных блюд „пелава“ и др. Современная годовая норма потребления риса в среднем на душу населения колеблется от 0,5 до 1 центнера.

По мере роста благосостояния широких масс и улучшения их питания спрос на рис все увеличивается. В настоящее время этот продукт является остро дефицитным. В соответствии с этим, цены на него резко повышаются с каждым годом. В текущем году они поднялись до 54—84 рублей за центнер вместо нормальных 15—18 руб. за центнер. По сравнению со средними ценами на хлопок 27,6 р. за центнер стоимость риса в $2\frac{1}{3}$ —3 раза выше. Между тем, урожаи риса с единицы посевной площади значительно выше урожаев хлопка. Отсюда наблюдается тяга населения к расширению рисовых посевов. Правда, по статистическим данным, площадь под рисом за последние годы, якобы, уменьшилась. Но статистика здесь, несомненно „сама по себе, а рисовые посева сами по себе“... По многолетнему опыту Главхлопкома хорошо известно, что статистические данные, собранные даже на основе заключенных договоров с населением, очень часто грешат против действительных площадей, установленных путем инструментального обмера. Разница достигает нередко 50%. Рис пока инструментально никто не обмерял. Посевщики риса, несомненно, преуменьшают свою площадь, так же, как хлопководы преувеличивают ее.

Хлопководами это делается для того, чтобы больше получить аванса и налоговых льгот, рисоводами как раз по обратным мотивам — скрыть объекты обложения и не нарушать „политику снижения рисовых посевов“, прогонимую на местах.

Если обратиться к имеющимся статистическим данным о посевной площади риса в Средней Азии и Казахстане, то они рисуют следующую картину: в 1900 г.¹ посевов риса было 203,9 тыс. га, средняя площадь за период 1909—1913 гг.²—246 тыс. га, за период 1914—1918 гг. 264 тыс. га, в 1923 г.—180 тыс. га, в 1924 г.—224 тыс. га, в 1926 г.³—164 тыс. га, в 1927 г.⁴ около 140 тыс. га.

По данным за 23 года, вплоть до 1923 г., в площадь под рисом была выше 200 тыс. га. Начиная же с 1926 г., она, якобы, дала снижение чуть ли не наполовину.

Поверить в действительность такого резкого уменьшения посевов риса совершенно невозможно. И меньше всего можно верить тому, что

¹ „О культуре риса в Туркестане и влиянии ее на заболеваемость малярией“, 1905 г. (сборник статей).

² „Мировое Хозяйство“, сборн. стат. материалов за 1913—1927 гг., под редак. С. А. Уманского, 1928 г.

³ „Вестник Иригации“, № 5, 1928.

⁴ Предварительные данные ЦСУ.

такое снижение могло произойти благодаря принимаемым на местах мерам по ограничению рисосеяния. Живые непосредственные наблюдения на местах показывают, что фактическое потребление риса в действительности возросло, и площади под ним отнюдь катастрофически не падают.

Есть все основания полагать, что существующая площадь под рисом в Средней Азии и Казахстане никак не менее тех площадей, которые показаны за 23-летний период. Но по соображениям „сверхосторожности“ будем считать существующую и на ближайшие годы площадь посева риса не свыше 200 тыс. га.

Из этой площади 50 тыс. га посевов риса следует отнести к таким районам и местам, где по почвенным и другим условиям хлопчатник произрастать не сможет.

На остальных же 150 тыс. га есть основания полагать, что вместо риса может с успехом произрастать хлопчатник.

Согласиться на то, чтобы на указанной площади вместо хлопчатника произрастал рис, невозможно не только потому, что рис отнимает у хлопчатника такое большое количество земли, но еще и потому, что рис требует для себя в 4—10 раз больше поливной воды, чем это необходимо для хлопчатника и других культур.

Это значит, что при посеве 200 тыс. га риса для него нужно такое количество воды, которое хватило бы на 800—2.000 тыс. га других полевых культур, в том числе и хлопчатника.

В результате такого потребления рисом воды наблюдаются „вынужденные перелог“, т.е. земли обарыченные не используются из-за недостатка воды, а также „посушки“. Это — с одной стороны, а с другой стороны — „подмочки“ соседних с рисовыми полями посевов вследствие повышения уровня грунтовых вод. Кроме того, в местах сброса воды с рисовых полей нередко наблюдаются заболачивания почвы из-за отсутствия или несовершенства дренажных систем, и таким образом, теряется полезная с.-х. площадь.

Высокая норма потребления воды рисом весьма низко оплачивается по сравнению с другими культурами и в экономическом отношении является совершенно недопустимой расточительностью самого драгоценного и самого минимального экономического фактора в Средней Азии — воды.

Какими же мероприятиями можно добиться вытеснения рисовых посевов? Завозом хлеба этого, конечно, сделать нельзя. Сколько бы хлеба не завозилось, от этого потребление риса не будет уменьшаться, а наоборот — будет расти.

Вести борьбу с рисом чрезвычайными административно-налоговыми мерами было бы, во-первых, принципиально неправильным, ибо рис, повторяем, является незаменимым массовым продуктом питания для населения хлопковых районов, и, во-вторых, это не даст нужных результатов. В этом отношении весьма показательными являются попытки ограничения рисосеяния административными мерами во время царизма. Несмотря на самые суровые репрессии — штрафы, аресты и даже тюремные заключения, — население продолжало сеять рис, и администрации в конце концов пришлось отказаться от борьбы с рисосеянием.

Единственным правильным и надежным путем разрешения данной проблемы является снабжение Средней Азии и Казахстана рисом из нехлопковых районов, т.е. таких районов, где по климатическим, почвенным и другим условиям хлопчатник произрастать не может, а рис может возделываться с успехом. При чем снабжение рисом должно быть налажено в таком количестве, такого качества и по такой цене, при

которых сеять рис вместо хлопка не было бы никакого расчета. Союзное правительство так и поставило этот вопрос. Совет Труда и Оборон в своем постановлении от 16 марта 1928 г. дает определенную директиву о вытеснении риса из хлопковых районов в нехлопковую зону.

В связи с проведением Туркестано-Сибирской ж. д. наиболее подходящим районом для развития рисосеяния, несомненно, является Джетысуйская губерния КАССР в бассейне рек Или, Карала и др. и отчасти Северная Киргизия.

По произведенным в 1912—15 гг. изысканиям б. Отделом земельных улучшений установлено, что запасов воды в реке Или хватит на орошение до 1.000 тыс. га. Земель же, пригодных для орошения и освоения указывается до 850 тыс. га в бассейне самой реки Или и до 110 тыс. га из ее притока Чарын. Стоимость работ по орошению окончательно установлена не была, но исчислялась она в 150 руб. на га.

В бассейне другой реки — Карала — в урочище Кара-Чигиль, пересекаемом трассой Туркестано-Сибирской жел. дор., имеется до 100.000 га пригодных для орошения и освоения земель. Район этот теперь весьма слабо заселен, но он имеет богатое историческое прошлое, здесь проходил путь великих передвижений на запад народов тюркского и монгольского происхождения. Остатки ирригационных систем говорят о том, что здесь существовало интенсивное, орошаемое земледелие.

Бывшим переселенческим управлением в 1913 г. был разработан эскизный проект на орошение 100 тыс. га. В 1915 г. б. Отделом земельных улучшений было приступлено к уточнению намеченной схемы, но работы остались незаконченными. Ориентировочно стоимость орошения всех 100 тыс. га определяется в 7.000 тыс., или 70 руб. на га. Такие сравнительно небольшие затраты здесь объясняются целым рядом облегчающих и ускоряющих работу условий (ровный рельеф, мягкие грунты, наличие вблизи камня для искусственных сооружений и проч.).

Специальная экспедиция Казакского водного хозяйства в 1928 г. произвела обследование нижней части реки Или. Материалов этой экспедиции еще не имеется, но по предварительным сообщениям начальника экспедиции инженера Недзведкого, оказывается, что в так называемых Баканасах (старые разветления русла р. Или) прекрасно сохранилась древняя ирригационная система на площади до 50—60 тыс. га. Здесь потребуются сравнительно небольшие затраты лишь на ремонт сети и возведение головных сооружений.

III

Возможна ли культура риса в указанном районе Джетысуя, если возможна, то будет ли рисосеяние здесь рентабельно и конкурентоспособно с рисосеянием в старых хлопковых районах?

На это без всякой натяжки можно дать вполне положительный ответ, на основании уже имеющегося здесь опыта хозяйственных крестьянских посевов риса.

Начало рисосеяния в Джетысуе и Северной Киргизии относится к 1882 г. Пионерами рисосеяния здесь явились дунгане, выходцы из Китая. Их примеру последовали таранчинцы, уйгуры и частично казаки. В первые же годы своей работы дунгане признали указанные районы вполне пригодными для рисосеяния и по почвенным и по климатическим условиям, а дунгане являются тонкими знатоками рисовой культуры. Знание этой культуры они принесли с собой из Китая. Практика последующих 46 лет (с 1882 по 1928 гг.) вполне оправдала мнение первых посевищиков риса,

Урожай риса на свежих землях здесь достигают до 6 тонн на га. Лишь только на 4—5 год при бессменном посеве, при примитивной обработке, без удобрений, урожай риса снижается до 1,6 тонн на га, что считалось здесь прежде невыгодным, в то время как такие урожаи в хлопковых районах считаются средними и даже выше средних. По данным сборника „Джетысу“ средняя урожайность риса за последние 10 лет определяется в 4,35 тонн.

Посевная площадь по рисом в дореволюционное время в Джетысуе и Северной Киргизии достигала до 5.000 га. Дальнейший рост рисосеяния встречал препятствия в ограниченности местных рынков сбыта для риса и невозможности вывозить рис за пределы района благодаря удаленности от железных дорог.

В 1928 г. посевы риса в обоих районах достигли 4.500 га. К концу пятилетия намечено довести посевы на крестьянских землях до 25 тыс. га.

Расходы по культуре риса по исчислению местных специалистов около 130 руб. на га, включая сюда семена, посев, обработку почвы, уход за посевами, орошение и уборку. Себестоимость 16 кг риса очищенного для производителя обходится около 50 коп. а очищенного — около 75—100 коп. При такой себестоимости прием риса от производителя по 12 руб. за центнер является в высокой степени выгодным. Это при условии чрезвычайно низкой техники, требующей большого количества ручного труда в очень тяжелых антигигиенических условиях. Здесь необходимо принять во внимание, что практика рисосеяния в Италии, Соед. Штатах и других странах, а также опыты последних лет дальриса на Дальнем Востоке показывают, что культуру риса можно в высокой степени механизировать и всю работу, так же, как и при всякой сухой культуре, можно вести машинами. Механизация позволит еще более снизить себестоимость риса и совершенно устранить те тяжелые, антисанитарные условия работы по культуре риса, которые имеют место теперь в условиях Джетысуя, так же, как и старых районах рисосеяния.

Все сказанное не оставляет никаких сомнений в возможности и рентабельности развития рисосеяния в районах Северной Киргизии и Джетысуя, а по наличию неиспользованных земельных и водных ресурсов в этих районах они вполне могут обеспечить вытеснение рисовых посевов из хлопковых районов в необходимом размере.

Кстати нужно отметить, что иногда приходится слышать и читать в периодической печати о том, что вопрос вытеснения рисовых посевов из хлопковых районов нужно-де увязать с развитием рисосеяния на Дальнем Востоке. Не отрицая всей огромной полезности и важности развития рисосеяния на Дальнем Востоке, нужно, однако, категорически заявить, что только люди, совершенно незнакомые с сущностью проблемы и географией СССР, могут выдвигать подобные предположения. Рисосеяние на Дальнем Востоке имеет все данные для своего развития вне связи с хлопковыми районами и путать с последними его никак не следует.

По всем условиям Джетысуя и отчасти Северная Киргизия являются единственными районами, которые только смогут разрешить проблему снабжения хлопковых районов дешевым рисом в размерах, обеспечивающих вытеснение риса и рост за его счет посевов хлопчатника.

В соответствии с указанным правительством РСФСР в целом ряде своих постановлений (пр. ЭКОСО от 26/V, СНК РСФСР от 2/VIII и ЭКОСО от 20/X 1928 г.) предложено приступить к работам по расширению рисосеяния до необходимых размеров в районах Джетысуя. При чем основным путем практического разрешения этого вопроса признана организация крупных рисовых совхозов. В п. 1 постановления ЭКОСО от 20/X 1928 г. по данному вопросу говорится следующее:

„В целях вытеснения рисовых посевов из хлопковых районов Средней Азии и расширения за счет этой меры посевной площади хлопчатником, а также в целях сокращения импорта риса и удовлетворения возрастающего спроса на последний со стороны широких слоев населения как в Средней Азии, так и в других частях СССР, признать необходимым приступить к максимальному развитию рисосеяния в районах Туркестано-Сибирской ж. д. путем организации крупных государственных рисовых советских хозяйств в бассейне рек Или, Каратала и др.“.

По своему значению и масштабу создание рисовых совхозов, несомненно, следует рассматривать как одно из крупнейших и важнейших начинаний в СССР.

Для полного разрешения проблемы, поставленной и приведенной выдержки постановления ЭКОСО, потребуется в будущих рисовых совхозах иметь посевную площадь под рисом не менее 150 тыс. га, а так как один рис бесменно сеять нельзя, а необходимо его чередовать в известной последовательности и пропорции с другими культурами, то необходимую общую земельную площадь под рисовыми совхозами, очевидно, нужно будет увеличить, примерно, в два раза.

Само собой разумеется, что приступая к столь грандиозной работе, необходимо предварительно произвести здесь самые подробные обследования и изыскания в намечаемых для организации совхозов районах. Такие детальные изыскания в целях уточнения месторасположения рисовых совхозов и составления по ним организационно-технических проектов поручено выполнить НКЗ РСФСР с привлечением наркомземов Киргизии и Казакстана. К обследованию предложено приступить в 1929 г. и закончить его с представлением предварительных организационных планов и технических проектов орошения в 1930 г.

При производстве обследований НКЗему дано задание особое внимание обратить на следующие моменты: изучение техники и экономики существующего крестьянского рисосеяния, выяснение климатических и почвенных условий, обеспечение будущих совхозов рабочей силой, определение необходимого севооборота в рисовых совхозах, возможность и пределы механизации рисосеяния, определение себестоимости риса и рентабельность рисовых совхозов в целом, предупреждение заболачивания и засоления почв в совхозах и, наконец, на вопросы санитарного порядка с смысле борьбы с малярийными заболеваниями. На ряду с этим предложено также НКЗ усилить опытную работу в области рисосеяния, которая до сих пор почти отсутствовала.

В настоящее время НКЗ РСФСР уже приступил к подготовительным работам в указанном направлении.

Таким образом, вопрос о вытеснении риса из хлопковых районов в нехлопковую зону и расширения за счет этого хлопкового клина,—из области теоретических и принципиальных разговоров перешел в стадию конкретной практической работы.